

М.В. Масловский

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

M. Maslovskiy

THE SOVIET MODEL OF MODERNITY IN CONTEMPORARY HISTORICAL SOCIOLOGY

В статье рассматриваются основные подходы к изучению советского общества в современной исторической социологии. Характеризуются особенности анализа советской системы в концепциях И. Валлерстайна, Э. Гидденса, М. Манна. Особо выделяется анализ обществ советского типа с позиций цивилизационного подхода в работах Й. Арнасона. С точки зрения этого социолога, советская модель объединила имперскую традицию осуществляемой сверху социальной трансформации и революционное видение нового общества, результатом чего стал особый тип модерна. Концепция Арнасона анализируется в контексте веберовской традиции в исторической социологии. Как указывается в статье, эта концепция имеет существенное значение для исследования динамики сталинского режима и последующих процессов социальной трансформации в советском обществе.

The main approaches to analysis of Soviet society in contemporary historical sociology are discussed in the article. Peculiarities of studying the Soviet system in the works of I. Wallerstein, M. Mann and A. Giddens are characterized. Particular attention is devoted to civilizational analysis in historical sociology and its application to Soviet-type societies. According to J. Arnason, the Soviet model incorporated the legacy of imperial transformation from above and the revolutionary vision of a new society, which resulted in a specific version of modernity. Arnason's ideas are analyzed in the context of the Weberian tradition in historical sociology. It is argued that his approach is essential for understanding the dynamics of Stalin's regime and later transformations of Soviet society.

Ключевые слова: историческая социология, цивилизационный анализ, модерн, советская модель.

Keywords: historical sociology, civilizational analysis, modernity, Soviet model.

Процессы социальных изменений в советском обществе, как правило, не находились в центре внимания ведущих представителей мировой исторической социологии. Наибольший интерес у большинства зарубежных социологов вызывали проблемы развития экономических и политических институтов в западных странах. Тем не менее, ряд исследователей использовали принципы исторической социологии при изучении различных аспектов формирования и динамики советского общества. К анализу социально-политических трансформаций в СССР в той или иной степени обращались такие представители западной исторической социологии, как Р. Бендикс, И. Валлерстайн, Т. Скочпол, Р. Коллинз, М. Манн, Э. Гидденс, Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон.

Немецкий социолог В. Шпон характеризует четыре основных направления исследований, определяющих современное состояние мировой исторической социологии. Во-первых, это социология мирового общества, продолжающая и дополняющая миросистемный анализ И. Валлерстайна. Во-вторых, это «новая историческая социология», ведущими представителями которой считаются Т. Скочпол, Ч. Тилли, М. Манн. В-третьих, это социология глобализации, представленная в работах Р. Робертсона, Д. Хелда. В-четвертых, это цивилизационный анализ, который разрабатывали Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон, Б. Витрок (Spohn 2009). Проблематика советской модели модерна наиболее подробно рассматривалась с позиций цивилизационного анализа в трудах Й. Арнасона (Масловский 2011). Но прежде чем перейти к обсуждению цивилизационного подхода к изучению советской версии модерна, следует охарактеризовать особенности исследования советского общества с позиций других теоретических направлений исторической социологии.

И. Валлерстайн рассматривал советское общество с точки зрения своей теории миросистемного анализа. Как указывает этот социолог, Октябрьская революция в России представляла собой «национально-освободительное восстание» на полупериферии миросистемы. Валлерстайн выделяет две особенности такого восстания: «во-первых, его возглавила кадровая партия, имевшая на вооружении универсалистскую идеологию и потому взявшаяся создавать всемирную политическую структуру под своим прямым контролем; во-вторых, революция произошла именно в той из стран вне зоны ядра, которая была сильнейшей из них в промышленном и военном отношении. Вся история коммунистической интерлюдии 1917–1991 гг. проистекала из этих двух фактов» (Валлерстайн 1997: 8).

Обращаясь к анализу геополитической ситуации, в которой оказалось советское государство с момента своего возникновения, Валлерстайн подчеркивает, что большевики взяли курс на воссоздание империи, а затем сместили акцент с разжигания пролетарской революции в странах Запада на поддержку антиимпериалистической борьбы в колониальных и полуколониальных странах. В дальнейшем внешнеполитическая деятельность советского государства могла быть объяснена как «политика крупной военной державы, действующей в рамках существующей миросистемы» (Там же: 9). Согласно Валлерстайну, СССР, как и дореволюционная Россия, относился к полупериферии капиталистической миросистемы и шел по пути догоняющего развития.

Следует отметить, что Валлерстайн не рассматривал советскую систему как особый тип общества модерна, обладавший определенными цивилизационными характеристиками. Хотя он и не игнорировал полностью цивилизационное измерение, но «отводил ему подчиненное место в рамках своей неомарксистской модели анализа» (Браславский 2010: 19). В целом для Валлерстайна характерна явно выраженная тенденция преуменьшать воздействие политической и военной сфер на процессы социальных изменений. Как отмечает Э. Гидденс, в концепции миросистемы «государства выступают как территориальные подразделения основных секторов мировой экономики, а не как организации, обладающие также иными формами власти и интересами, помимо чисто экономических» (Giddens 1985: 168). При этом отнесение СССР к полупериферии миросистемы выглядело абсурдным, если учитывать политическую и военную роль советского государства в системе международных отношений (Ibid: 28).

С позиций «новой исторической социологии» политические институты советского общества характеризовались, в частности, в работах М. Манна, который выделяет четыре формы власти в обществе: экономическую, идеологическую, политическую и военную. С его точки зрения, ни один из этих типов власти не является определяющим по отношению к другим. Согласно Манну, эволюция западных обществ была связана с формированием капиталистической экономики и индустриализма, но также и современного национального государства и системы международных отношений, охватывающих страны Европы. Все эти процессы изменений в экономической и политической жизни происходили параллельно и оказывали взаимное влияние друг на друга.

Манн рассматривает динамику советской системы, проводя сопоставление нацистской диктатуры в Германии и сталинского режима в СССР, которые он характеризует как «режимы непрерывной революции». Он отмечает, что оба режима были движимы революционной идеологией, стремящейся к полному переустройству общества. Однако Манн не уделяет значительного внимания особенностям советской системы как формы модерна. Он лишь говорит о нацистской Германии как об относительно более модернизированном государстве, чем СССР периода правления Сталина, хотя советское общество было более секуляризованным и этнически разнородным (Mann 1997: 135).

С точки зрения Манна, нацистский и сталинский режимы проходили в своей эволюции через одни и те же «динамические циклы», причем динамика нацистского режима была в большей степени связана с геополитикой, а динамика советской системы — с внутренними делами. Тем не менее, анализ Манна, по-видимому, в большей степени применим к сталинскому режиму на его динамической стадии — к происходившей в 1930-е гг. радикальной социальной трансформации. Последующая консервативная стадия эволюции режима, наметившаяся уже на рубеже 1930-40-х гг. и получившая продолжение в послевоенный период, не соответствует предложенной этим социологом модели непрерывной революции.

Концепция модерна Э. Гидденса может служить наглядным примером исторической социологии глобализации. В ряде своих работ Гидденс просле-

живает историческую эволюцию общества модерна, которое, с его точки зрения, существенно отличаются от всех предшествующих человеческих обществ. В качестве четырех институциональных осей модерна Гидденс выделяет капиталистическую рыночную экономику, систему индустриального производства, монопольный контроль государственной власти над средствами вооруженного насилия и систему административного надзора.

Обращаясь к характеристике советской системы, Гидденс опирается на теорию тоталитаризма, которую он дополняет концепцией дисциплинарной власти М. Фуко. Как отмечает Гидденс, тоталитарный режим мог возникнуть лишь в условиях современного национального государства. «Возможности тоталитарного правления зависят от существования обществ, в которых государство может проникать в повседневную жизнь большинства своего населения. Это, в свою очередь, предполагает высокий уровень надзора» (Giddens 1985: 302). Пример советской системы Гидденс использует также, когда речь идет о военных аспектах деятельности национального государства. Кроме того, он рассматривает положение СССР в рамках системы международных отношений. Парадоксально, что Гидденс расценивает СССР как одно из национальных государств и полностью игнорирует имперский характер советской системы.

С точки зрения Гидденса, советское общество являлось индустриальным, но не капиталистическим. Институты надзора получили в нем значительное развитие, в особенности в сталинский период. Военная мощь обеспечила советскому государству одну из ведущих позиций в системе международных отношений. В конечном итоге советское общество включало в себя три из четырех институциональных осей модерна. Но Гидденс подчеркивает, что общество модерна характеризуется сочетанием всех четырех институциональных осей модерна. Выделив капитализм в качестве одной из таких осей, он фактически вывел советскую систему за рамки модерна (Mouzelis 1999: 141).

В последнее десятилетие в сравнительно-исторической социологии наблюдается неуклонный рост влияния цивилизационного подхода (Arnason 2010; Arnason, Šubr 2010). Особенно оживленные дискуссии вызвала сформулированная с позиций данного подхода концепция множественности модерна (multiple modernities) Ш. Эйзенштадта. Этот социолог характеризует модерн как определенный культурный проект, для формирования которого решающее значение имела идеология Просвещения. Модерн зарождается в рамках западной цивилизации, но в дальнейшем этот культурный проект и возникающие на его основе социальные институты распространяются в другие регионы мира.

Проникновение в незападные общества различных культурных и институциональных образцов, сложившихся в странах Запада, не предполагало принятия этих образцов в их первоначальном виде. Скорее наблюдался постоянный отбор культурных и институциональных форм, сопровождавшийся их новой интерпретацией. Это создавало условия для возникновения разнообразных «институциональных и идеологических констелляций» (Eisenstadt 2001: 330). Изменения, происходившие в различных типах общества модерна, были связаны как с внутренней динамикой этих обществ, так и с борьбой между ос-

новными центрами политической и экономической власти в пределах западной цивилизации, а затем и между разными цивилизациями модерна.

Как указывал Ш. Эйзенштадт, в западной цивилизации сложились различные идеологические проекты модерна. Одним из таких проектов выступала либеральная идеология, которую отличало признание плюрализма индивидуальных и групповых интересов. Ей противостояли идеологии, отстаивавшие приоритет коллективного сознания. «Особое значение приобрели в этом плане два типа идеологий. В одном из них подчеркивался приоритет коллективизма, основанного на общих изначальных корнях или же духовных характеристиках национальной общности. Другой тип, отличавшийся специфически современной ориентацией, укорененной в революционных традициях, составил якобинскую идеологию. Сущностью якобинских ориентаций стала вера в возможность трансформации общества через всеохватную политическую деятельность» (Эйзенштадт 1999: 33–34).

Попытки реализации альтернативных проектов модерна осуществлялись социальными движениями: фашистскими и коммунистическими. Эйзенштадт отмечал интернациональный характер таких движений. Различные идеологические и институциональные формы модерна не ограничивались какой-то отдельной страной, хотя определенная страна могла быть основным центром развития этих новых форм. Тем не менее, Эйзенштадт не осуществил с позиций своей концепции подробного анализа советской системы как особого типа общества модерна. Он указывал лишь, что общества реального социализма представляли собой пример «неудавшегося модерна», а также отмечал влияние исторического опыта и традиций на формирование коммунистических режимов в России, Китае и Юго-Восточной Азии.

Всесторонний анализ обществ советского типа с позиций цивилизационного подхода предложил Й. Арнасон. В 1993 г. вышла его книга «Несбывшееся будущее: происхождение и судьбы советской модели» (Arnason 1993), содержащая такой анализ. Правда, как отмечает В. Шпон, к моменту публикации этой работы цивилизационный подход Арнасона еще не окончательно сформировался (Spohn 2011: 30), но следует учитывать, что впоследствии Арнасон неоднократно возвращался к проблематике коммунистического модерна. В частности, он рассмотрел распространение советской модели как форму глобализации (Arnason 1995) и охарактеризовал становление особой версии коммунистического модерна в Китае (Arnason 2003). Теоретический подход этого социолога к изучению советской модели достаточно полно представлен в его статье «Коммунизм и модерн», впервые опубликованной в 2000 г. (Арнасон 2011).

Арнасон обсуждает вопрос о том, можно ли говорить об особом коммунистическом проекте модерна. Такой проект может считаться берущим начало в марксистской традиции в целом либо в ее большевистской версии. Во втором случае подчеркивается связь данного проекта с российской традицией. Согласно Арнасону, марксистско-ленинская идеология «опиралась на революционную и утопическую традицию, импортированную с Запада, но адаптированную к местным условиям таким образом, чтобы она позволила синтезировать противоречившие друг другу элементы российской традиции» (Arnason 1993: 101).

Арнасон расценивает марксизм-ленинизм как разновидность «политической религии» и указывает на «частичную функциональную эквивалентность» между этой идеологией и традиционными теологическими системами (Ibid: 1993: 116). Опубликованный в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» выступил тем «каноническим» текстом, в котором были изложены догматы этой политической религии.

В данном случае можно провести параллель между подходом Арнасона и анализом трансформации большевистской партии в «иерократическую» организацию, который осуществил К.-Г. Ригель, опираясь на понятия веберовской социологии религии. Следует отметить, что Ригель использовал не только веберовские теоретические модели, но и идеи Э. Дюркгейма и М. Фуко. При этом он остается главным образом на уровне микросоциологического анализа, описывая ритуалы публичной исповеди в большевистской партии как сообществе «идеологических виртуозов». С точки зрения немецкого исследователя, есть все основания для того, чтобы расширить веберовское понятие религиозного виртуоза до понятия идеологического виртуоза.

В работах Ригеля особый акцент делается на возможностях сравнительного изучения религиозных сообществ и революционных организаций. Как указывает этот социолог: «Долгая и сложная традиция религиозных сообществ, особенно эволюция монашества в западнохристианской традиции, создала концептуальную почву для сравнений современных светских сообществ виртуозов с их историческими религиозными предшественниками. В эту историческую традицию религиозных и светских сообществ виртуозов попадают и ленинские партийные кадры» (Ригель 2002: 112). Несмотря на очевидные различия в отношении конечных целей их деятельности, религиозные и светские сообщества виртуозов обладали сходными структурными характеристиками. Ригель обнаруживает сходные черты в революционной партии и «церкви, дарующей благодать». В обоих случаях личная харизма виртуозов заменяется должностной харизмой и формируется «административный аппарат с послушными и дисциплинированными функционерами» (Там же: 117).

По мнению Ригеля, черты иерократии наглядно проявились в партийных чистках в СССР второй половины 1930-х гг. В дальнейшем немецкий социолог более подробно охарактеризовал особенности марксизма-ленинизма как политической религии (Riegel 2005). Тем не менее, речь может идти лишь об аналогии между большевистским режимом и системой иерократического господства, но не об их отождествлении. Такая аналогия может оказаться вполне правомерной, что убедительно показывает Ригель на примере «сталинской критики и самокритики». Однако необходимо учитывать и различия между политическим и иерократическим господством. Осуществленный Ригелем анализ может служить дополнением других теоретических моделей веберовской социологии, но не позволяет дать целостную характеристику советского политического режима.

В работах Арнасона характеризуется роль имперской традиции в развитии советского государства. Как указывает социолог, большевистское правительство унаследовало не только геополитическое положение и внутренние струк-

турные проблемы российской империи, но также и традицию осуществляемой сверху социальной трансформации. «И наследие революции сверху как стратегии государственного строительства, и утопия радикальной революции как пути к свободе были преобразованы в новые идеологические модели, которые претендовали на обладание универсальной, исключительной и окончательной истиной. В таком качестве воссозданная и заново артикулированная традиция... послужила структурированию особого варианта модерна» (Арнасон 2011: 34–35).

Арнасон разделяет точку зрения тех исследователей советского общества, кто рассматривал начавшуюся в конце 1920-х гг. сталинскую «революцию сверху» как решающий момент в формировании советской модели. Вместе с тем он подчеркивает, что в ходе этой «второй революции» проявились «явно патологические черты, которые не имели пока адекватных объяснений в структурных или стратегических терминах» (Там же: 26). Этот социолог не считает достаточно убедительными попытки историков «ревизионистского» направления объяснить партийные чистки и массовые репрессии второй половины 1930-х гг. характером социальных конфликтов в советском обществе. В работе «Несбывшееся будущее» и последующих публикациях Арнасон оставался привержен модифицированному варианту теории тоталитаризма. Хотя он признавал, что следует говорить скорее о тоталитарном проекте, а не о тоталитарной системе (Arnason 1993: 91), но не считал возможным полностью отказаться от этой теории.

С точки зрения Арнасона, анализ политических институтов советского общества может опираться на веберовскую типологию господства, но данную типологию не следует считать исчерпывающей. Он подчеркивает, что «миф о партии-авангарде представляет новый способ легитимации, который обладает общими чертами с каждым из веберовских типов, но также и особыми собственными характеристиками» (Ibid: 109). Этот социолог характеризует два варианта политического режима в обществах советского типа: харизматический и более рационализированный олигархический режимы. По его мнению, понятие харизмы имеет существенное значение для анализа сталинской диктатуры. В качестве особенности этого режима выделяется «новая стратегия революционной трансформации сверху, объединяющая элементы большевистской традиции с более ранним проектом имперской модернизации» (Arnason 1995: 44).

В то же время Арнасон обращает основное внимание на личную харизму Сталина. Однако ряд исследователей выделяли также и роль организационной харизмы большевистской партии. Этот тезис получил развитие в предложенном С. Бройером анализе большевистского режима как воплощения «харизмы разума». М. Вебер использовал понятие «харизмы разума» применительно к истории французской революции 1789 г. Согласно веберовской концепции, в ходе исторического процесса рационализации харизматическая легитимация начинает все в большей степени определяться идеями, а не личностными качествами лидеров. С точки зрения Вебера, харизматическое возвеличивание разума Робеспьером и его последователями явилось «последней формой, которую приобрела харизма

на своем судьбоносном историческом пути» (Weber 1978: 1209).

Как полагает С. Бройер, харизма разума не была присуща лишь французскому якобинству, но в той или иной мере присутствовала и в других революционных движениях. Отмечая очевидные различия между якобинством и большевизмом, Бройер выделяет общие черты этих движений: убежденность в том, что общество может быть изменено только революционным путем; приверженность централизованным формам организации; фетишизацию революционной идеологии (Weber 1992: 279). Бройер указывает на значение безличной харизмы, которой обладала большевистская партия как общность идеологических виртуозов. В целом он подчеркивает рациональные черты советской системы, хотя и признает, что большевистская рационализация оставалась «странным образом незавершенной» (Ibid: 284).

В работе Бройера осуществлен прежде всего анализ раннего большевистского режима и дается общая характеристика советской системы в целом. Однако немецкий исследователь не предлагает подробного анализа сталинской диктатуры. Бройер обращается также и к описанию советской бюрократии послесталинского периода. При этом он отчасти опирается на предложенный Вебером анализ отклонений управленческих структур от модели рациональной бюрократии. Как отмечает Бройер, «бюрократии, которые освобождаются от политического контроля и преследуют свои собственные интересы, отходят от идеального типа формально-рациональной организации. Они рассматривают должности как си-некуры, монополизируют руководящие посты, развивают в своей среде “цеховую” ментальность и позволяют иным факторам, помимо чисто технической квалификации, влиять на принятие решений о назначении на должности» (Ibid: 284). Тем не менее указанные черты едва ли могут быть соотнесены с понятием харизмы разума, но они вполне могут рассматриваться как продолжение и развитие некоторых особенностей патримониального управления.

Следует подчеркнуть, что понятие харизмы разума не позволяет дать исчерпывающую характеристику советской системы на всех стадиях ее развития. Это понятие наиболее применимо к раннему большевистскому правительству, но не к сталинскому режиму (Maslovskiy 2010: 12). По-видимому, можно говорить о столкновении во второй половине 1920-х гг. безличной «харизмы разума», носителями которой выступали «старые большевики», и личной харизмы Сталина, которая в тот период была в значительной степени сфабрикованной. К середине 1930-х гг. произошел сдвиг от формирования личной харизмы Сталина к «изобретению» новой традиции, закрепленной в «Кратком курсе истории ВКП(б)». В дальнейшем в сталинском режиме проявились явно выраженные патримониальные черты (Масловский 1995). Поздний сталинский режим может быть охарактеризован как неопатримониальный, поскольку он опирался на «изобретенную» традицию. В любом случае вопрос о соотношении различных форм харизматического и традиционного господства в советской системе заслуживает серьезного обсуждения и работы Арнасона могут послужить здесь одним из ориентиров.

Согласно Арнасону, советская система не может рассматриваться лишь как предельная форма бюрократического господства. С одной стороны, произвол

управленческого аппарата был несовместим с требованиями модели рациональной бюрократии. С другой, возможности контроля и мобилизации населения, которыми обладала советская бюрократия, превосходили веберовскую модель (Arnason 1993: 106). Как полагает Арнасон, в советском обществе возникла новая форма легитимации власти, включавшая элементы всех трех веберовских типов господства, но вместе с тем представлявшая собой новое и оригинальное явление.

В западной советологии вопрос о коммунистической системе как особом типе общества модерна в основном игнорировался. Вместе с тем с середины 1990-х гг. в работах ряда американских историков получил развитие новый подход к анализу советской системы, противостоящий как теории тоталитаризма, так и «ревизионистской» социальной истории. Последователи этого нового направления рассматривают советскую систему как особый тип общества модерна и особую цивилизацию. Так, С. Коткин стремится показать, как в годы первых пятилеток в СССР происходило формирование новой социалистической цивилизации, которая обладала не только собственной идеологией, но и «новыми и “современными” обычаями и институтами и самоидентификацией в качестве высшей формы модерна» (Hedin 2004: 167).

С одной стороны, Коткин выделяет влияние на большевистскую идеологию утопических элементов марксизма, восходящих к эпохе Просвещения (Kotkin 1995: 6–8). С другой, американский историк характеризует сталинский режим как «теократию» (Ibid: 24) и рассматривает коммунистическую идеологию как форму религии, а партийные чистки — как разновидность инквизиции. Сам Коткин полагает, что такая аналогия проводилась лишь немногими исследователями и весьма поверхностно. Вместе с тем Коткин игнорировал работы европейских ученых, обращавшихся к этой аналогии (Hedin 2004: 173–174). Так, в немецкой социальной науке оценка тоталитарной идеологии как политической религии распространена довольно широко. Примером такого подхода могут служить упомянутые работы К.-Г. Ригеля.

В другой своей работе Коткин сопоставляет советскую систему периода 1920–30-х гг. как с либеральными проектами общества модерна, представленными США, Великобританией и Францией, так и с другими формами «антилиберального» модерна (нацистская Германия, фашистская Италия, императорская Япония). Но следует отметить, что Коткин практически не использует социологические теории модерна. Упомянув теорию модернизации, он ссылается прежде всего на ранние варианты данной теории. Как отмечает этот исследователь: «Сейчас, если используется слово “современность”, то главным образом в единственном числе, как обозначение для парламентской демократии в соединении с рыночной экономикой. Это определение связано с ростом американского могущества. Представление о Соединенных Штатах как главным примере возвышения демократии и рынка было успешно развито в “теории модернизации” после Второй мировой войны» (Коткин 2001: 279). Такому подходу Коткин противопоставляет свой анализ «антилиберального» модерна.

В целом в новейших исторических исследованиях сложилось два основных направления, выделяющих модернистские либо неотрадиционалистские черты

советской системы. С одной стороны, ряд историков указывают на такие черты, как планирование, использование принципов научной организации и современных технологий надзора и контроля за населением. С другой стороны, выделяются «архаические» элементы системы: политический клиентелизм и преобладание личных связей над формальными правилами (Fitzpatrick 2000: 11). Фактически эти два подхода соответствуют обсуждавшимся в неовеберианской исторической социологии возможным направлениям рутинизации харизмы раннего большевизма: рационализации и традиционализации. Однако в работах историков советской системы теоретические модели исторической социологии, как правило, не используются. Очевидно, что в данном случае существует потребность в преодолении дисциплинарных границ между социологией и исторической наукой.

Вместе с тем характерное для советской системы сочетание модернистских и традиционалистских черт в принципе поддается объяснению на основе концепции множественности модерна. Если советская система представляла собой «другой модерн», существенно отличавшийся от западного образца, то вполне допустимым оказывается сочетание, казалось бы, несоединимых институциональных и идеологических характеристик. Концепция Арнасона, по-видимому, позволяет преодолеть разрыв между противоположными подходами таких представителей неовеберианской социологии, как С. Бройер и К.-Г. Ригель, а также и между различными позициями историков, делавших акцент на модернистских либо неотрадиционалистских чертах советского общества.

Особое внимание Арнасон уделяет цивилизационным аспектам советской версии модерна. Советская система изначально определяла себя как альтернативу западному модерну — в экономической, политической и культурной сферах. Капиталистическая экономика отвергалась в принципе и заменялась плановой экономикой, хотя коммунистическим режимам пришлось смириться с сохранением по крайней мере некоторых элементов рыночного обмена. Подобным же образом отвергалась западная модель демократии, на смену которой должна была прийти социалистическая или народная демократия. Наконец, сфера культуры также характеризовалась соперничеством с западной моделью. Коммунистическая идеология претендовала на роль подлинно научной доктрины, преодолевшей ограниченность буржуазных идей (Арнасон 2011: 20).

В период после Второй мировой войны советская модель модерна приобрела глобальные масштабы. Расширение коммунистического движения, превращение СССР в одну из двух сверхдержав и распространение советской модели на страны Восточной Европы и Восточной Азии создали принципиально новую ситуацию. При этом претензии на создание новой цивилизации, превосходящей западный модерн, играли ключевую роль в советском «идеологическом арсенале» (Arnason 1995: 45). Кроме того, как отмечает Арнасон, «глобальное присутствие и престиж советского режима были чрезвычайно важны для его легитимации внутри страны» (Арнасон 2011: 28). В то же время идеологический компонент советской внешней политики усугублял возникавшие геополитические проблемы. Внешняя экспансия сама оказывалась в значительной мере идеологически мотивированной.

Следует отметить, что подход Арнасона отличается от концепции Р. Коллинза, в которой выделяется влияние геополитических факторов на легитимность государственной власти. Как указывает Коллинз, степень легитимности того или иного политического режима во многом определяется престижем данной страны на международной арене. Вместе с тем Коллинз не рассматривает идеологию в качестве независимой переменной, считая, что в конечном счете она следует за геополитикой. Это нашло отражение и в предложенном американским социологом прогнозе распада СССР. Согласно Коллинзу, чрезмерное расширение территории «советской империи» (включая находившиеся в сфере влияния СССР страны Восточной Европы) привело к ресурсному напряжению, которое создавало условия для государственной дезинтеграции. Наиболее вероятным сценарием распада Советского Союза, по мнению этого социолога, являлся «внутренний раскол русского коммунизма на территориально локализованные ереси или фракции» (Collins 1986: 207). В своих более поздних публикациях Коллинз отвергал объяснения «коллапса советской империи», которые выделяли влияние этнических конфликтов, неэффективность советской экономики, роль исторических личностей (Коллинз 2000: 260–267). По-видимому, он не допускал возможности того, что на распад советского государства повлияла вся совокупность указанных причин.

В работах Арнасона рассматривается формирование и динамика международного коммунистического движения. Прежде всего Арнасон отмечает тот факт, что ключевую роль в формировании большевизма играла связь с рабочим движением. Важнейшим нововведением большевиков стало «создание партии-государства на обломках социального движения» (Arnason 1995: 41). В то же время еще до консолидации этого режима началось формирование международного движения нового типа. Первоначально усилия по созданию коммунистического движения были следствием веры в неизбежность мировой революции. В дальнейшем коммунистическое движение становится инструментом глобальной стратегии советского государства. Несмотря на это, ссылаясь на мировое коммунистическое движение как авангард рабочего класса имела первостепенное значение для легитимации советского политического режима.

Коммунизм как международное движение не был всего лишь продолжением советской системы. В конечном итоге компартии несоциалистических стран находились под контролем советского центра, но это не могло предотвратить формирования разнообразных «коммунистических субкультур» (Арнасон 2011: 29). В рамках мирового коммунистического движения возникали и альтернативные течения, важнейшее из которых — троцкизм, хотя последователи этого направления оставались немногочисленной сектой. Вместе с тем советская система оказывала влияние на политические силы, которые не отождествляли себя полностью с коммунистической идеологией. Так, политические элиты ряда постколониальных стран в той или иной степени ориентировались на советскую модель, приспосабливая ее к местным условиям.

Арнасон обращается к проблеме восприятия советской модели на Западе. Он пишет в связи с этим: «Коммунистическая альтернатива возникла в условиях катастрофического крушения западного модерна (Первой мировой войны);

она оформилась, когда западный мир испытал глобальный кризис, высвободивший разрушительные силы в развитых обществах; в течение некоторого времени она представляла собой серьезный вызов западному блоку. Все эти причины привели к тому, что западные наблюдатели преувеличивали масштабы и потенциал альтернативной версии модерна» (Арнасон 2011: 30). При всех различиях оценок коммунистической системы в западной социальной теории эта система, как правило, считалась более монолитной и устойчивой, чем оказалось в действительности.

Следует обратить внимание также на представленный Арнасоном анализ перестройки в СССР. Этот социолог не принимает точку зрения тех исследователей, кто рассматривал процесс реформ как следствие развития гражданского общества или «восстания среднего класса». По его мнению, реформистское руководство страны отнюдь не действовало в соответствии с запросами гражданского общества, но следовало собственной стратегии (Arnason 1993: 210). Реформаторы были убеждены в том, что в коммунистическую модель можно было вдохнуть новую жизнь. Идея гласности отражала «оптимистический взгляд на советскую культуру как установившуюся традицию», а недооценка национальных проблем стала следствием веры в интеграционный потенциал советской культуры (Arnason 1995: 51).

Арнасон выделяет разнообразные варианты «выхода из коммунизма». Всего он насчитывает пять таких вариантов, характеризуя особенности распада или трансформации коммунистической системы в Советском Союзе, странах Восточной Европы, Китае, небольших государствах вне сферы прямого советского контроля (Албания, Вьетнам) и Югославии. Как полагает Арнасон, общая оценка коммунизма как всемирно-исторического явления до сих пор основывалась главным образом на анализе советского и восточноевропейского опыта. Китайская модель коммунизма в меньшей степени стала объектом теоретического анализа. В то же время «долгосрочная цивилизационная динамика Китая представляет собой один из наиболее значительных вызовов западной теории и историографии» (Арнасон 2011: 33-34).

Логическим продолжением концепции Арнасона стала идея «чередующихся типов модерна» (*alternating modernities*). Сам Арнасон использовал эту идею в своем анализе смены различных форм модерна в Чехословакии на всем протяжении истории этого государства (1918–1992). В данном случае Арнасон развил некоторые положения концепции «организованного модерна», разработанной П. Вагнером применительно к западным обществам. В случае Чехословакии речь идет о переходе от либерального модерна к коммунистической модели организованного модерна, попытке реформирования этой модели и, наконец, распаде коммунистической версии модерна. Как указывает Арнасон, синтез концепций множественности модерна и «чередующихся типов модерна» еще только предстоит осуществить. По мнению социолога, такой синтез откроет новые перспективы теоретического анализа и исторических исследований (Arnason 2005: 436).

В последние несколько лет работы Арнасона оказались в центре внимания зарубежных социологов (Knoebl 2010, Spohn 2011). Однако осуществленное Ар-

насом исследование советской версии модерна обсуждалось не столь широко, как некоторые другие стороны его концепции. Вместе с тем отмечалось, что Арнасон предложил «оригинальный цивилизационный подход к изучению коммунистических режимов в России и других регионах мира, который заслуживает дальнейшего теоретического развития и проведения сравнительных исследований» (Spohn 2011: 30). Для российской социологии также имеет большое значение анализ нелиберальных версий европейского модерна, намеченный в трудах Эйзенштадта и нашедший продолжение в работах Арнасона. Во всяком случае, обсуждение перспектив дальнейшего развития российского общества требует всестороннего изучения советской версии модерна с позиций современных направлений исторической социологии.

Литература

- Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
- Браславский Р.Г.* Теоретические направления цивилизационного анализа // Российское общество в современных цивилизационных процессах / Под ред. В.В. Козловского, Р.Г. Браславского. СПб.: Интерсоцис, 2010. С. 14–22.
- Валлерстайн И.* Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или к объяснению истории современности // Полис. 1997. № 2. С. 5–13.
- Коллинз Р.* Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX в. / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 234–278.
- Коткин С.* Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Летний сад, 2001. С. 239–315.
- Масловский М.В.* Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 95–109.
- Масловский М.В.* Анализ советской версии модерна в исторической социологии Йохана Арнасона // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 5–9.
- Ригель К.-Г.* Ритуалы исповеди в сообществах виртуозов. Интерпретация сталинской критики и самокритики с точки зрения социологии религии Макса Вебера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 3. С. 108–129.
- Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Arnason J.* The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model. London: Routledge, 1993.
- Arnason J.* The Soviet Model as a Mode of Globalization // Thesis Eleven. 1995. No 41. Pp. 36–53.
- Arnason J.* Entangled Communisms: Imperial Revolutions in Russia and China // European Journal of Social Theory. 2003. Vol. 6. No 3. Pp. 307–325.
- Arnason J.* Alternating Modernities. The Case of Czechoslovakia // European Journal of Social Theory. 2005. Vol. 8. No 4. Pp. 435–452.
- Arnason J.* Introduction. Domains and Perspectives of Civilizational Analysis // European Journal of Social Theory. 2010. Vol. 13. No 1. P. 5–13.
- Arnason J., Šubrť J.* Civilizace v singuláru a plurálu (uvodem) // Kultury, civilizace, světový systém. Praha: Karolinum, 2010. S. 7–15.

Breuer S. Soviet Communism and Weberian Sociology // Journal of Historical Sociology. 1992. Vol. 5. No 3. Pp. 267–290.

Collins R. Weberian Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Eisenstadt S. The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization // International Sociology. 2001. Vol. 16. No 3. Pp. 320–340.

Fitzpatrick S. Introduction // Stalinism: New Directions / Ed. by S. Fitzpatrick. London: Routledge, 2000. Pp. 1–14.

Giddens A. The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985.

Hedin A. Stalinism as a Civilization: New Perspectives on Communist Regimes // Political Studies Review. 2004. Vol. 2. No 2. Pp. 166–184.

Knoebl W. Path Dependency and Civilizational Analysis: Methodological Challenges and Theoretical Tasks // European Journal of Social Theory. 2010. Vol. 13. No 1. Pp. 83–97.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.

Mann M. The Contradictions of Continuous Revolution // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison / Ed. by I. Kershaw and M. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 135–157.

Maslovskiy M. The Weberian Tradition in Historical Sociology and the Field of Soviet Studies // Max Weber and Russia / Ed. by V. Oittinen. Helsinki: Aleksanteri Series, 2010. Pp. 7–20.

Mouzelis N. Modernity: A Non-European Conceptualization // British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50. No 1. Pp. 141–159.

Riegel K.-G. Marxism-Leninism as a Political Religion // Totalitarian Movements and Political Religions. 2005. Vol. 6. No 1. Pp. 97–126.

Spohn W. Historical and Comparative Sociology in a Globalizing World // Historicka Sociologie. 2009. No 1. Pp. 9–27.

Spohn W. World History, Civilizational Analysis and Historical Sociology: Interpretations of Non-Western Civilizations in the Work of Johann Arnason // European Journal of Social Theory. 2011. Vol. 14. No 1. Pp. 23–39.

Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.